

Бувайсар Сайтиев: «Быть знаменитым – некрасиво»

написано Movladi ABDOULAEV | 15.08.2006

«Хорошего человека должно быть много» – любят плагиатно острить о себе люди тучные. «Для хорошего человека всегда найдётся повод, чтобы сделать с ним газетное интервью» – великомудро замечу я, предвосхищая беседу с человеком не тучным, а солнечным.

Сам Сайтиев наверняка удивится такому эпитету о себе: вроде грозный, как грозовой Грозный, глаза шаманские, походка басурманская... Но нет, я не ошибся: он именно солнечный такой, с иронично-озорной искоркой в улыбке. За стильной суровостью хорошо себя чувствует простая и добрая душа взрослого ребёнка, самосовершенствующегося мыслителя и уникального мастера в одном лице, былинном образе, тренированном теле. Так что ж за повод? – спросите вы. Да пожалуйста! Буквально вчера Бувайсар отметил вторую годовщину со дня своей свадьбы. Точную дату ищите в тексте интервью. На днях его сыну исполнился годик. Младший брат Адам вернулся из Венгрии с чемпионата Европы – и на груди его светилась медаль за город Будапешт. Золотая, кстати говоря, несмотря на многочисленные железные сложности. А впрочем, что за «постанова» – озвучивание поводов. Не тот случай! Надо учиться ценить классиков при жизни. А Бувайсар – классик, несмотря даже на то, что он не классик (он – вольник!). И его вольные мысли, отнюдь не только о вольной борьбе, думаю, будут вам интересны. Если только не положат вас на обе лопатки.

– Бувайсар, о твоих медалях и мировых победах наслышан мир. А начать разговор хочется, что называется, от печки – от семейного очага.

– Я из рабочей семьи. Отец у нас был строитель, каменщик. Окончил строительную школу в Армавире, что-то типа техникума. И сам строил дома. Сперва работал он, наверное, в СМУ, я был маленький тогда ещё. А потом он строил уже при частном найме. И в нашем городе, в Хасавюрте, стоит сейчас несколько домов, которые построил мой отец. Очень своеобразный такой мужик был, мастеровитый. И постоянно была очередь к нему на строительство. Он хорошо клал кирпич, и, как правило, он облицовку делал. По его стопам пошёл наш старший брат. Он сегодня тоже строитель, мне дом сейчас строит в Хасавюрте. Он тоже очень хорошо кладет кирпич, надеюсь, и мне понравится...

– Как его зовут?

– Его зовут Хаким. Так мы его называем. Хотя по паспорту он Султан. Это у нас часто бывает: официально у человека имя одно, а зовут по-другому.

– Почему так? Вот и моего знакомого чеченца, который по паспорту Адам, земляки называли Юсуп.

– Не знаю даже, с чем это связано. Старики наши – бабушки, дедушки – они понимают. Наверное, чтобы не сглазить. В разных случаях по-разному... После Хакима идёт у нас старшая сестра Малика. Трое детей у неё. Она домохозяйка. У старшего брата, кстати, тоже трое детей. Потом Абдул-Хаким из братьев идёт.

Боролся он у нас, неплохо боролся, мастер спорта. Это он меня привёз в Красноярск. Служил он в Кемерово в спортроде, про Сибирь тогда и узнал. А сейчас дома с матерью с нашей живет, один сын у него. Сам сейчас больше домашними делами занимается: какие-то свадьбы, похороны-мохороны, всё больше в плане общественно-семейных дел специалист. Мы-то с Адамом постоянно в разъездах, нас никогда дома нет. После Абдул-Хакима иду я. Потом Адам. И Дженет, младшая сестренка у нас – с восемьдесят второго года. Она учительницей работает в нашей школе и параллельно учится. По-моему, второе высшее сейчас заканчивает. Сын и дочка у неё. То есть у нас все братья-сёстры уже взрослые и, кроме Адама, все женатые и семейные.

– А что за трагедия с отцом случилась?

– Он попал в автомобильную аварию. Был тогда сам за рулём. Несложная, на первый взгляд, авария. Не был пристёгнут ремнём и об руль сильно ударился. Первый выпуск «Жигулей»... Советские машины – гробы эти, знаешь? И автобус Ростов – Баку или Ставрополь – Баку сбоку въехал, и он об руль стукнулся. Никаких внешних повреждений, ничего не было. Двое мужиков с ним в машине сидели, осколками лобового стекла у одного чуть-чуть лицо посекло. А отцу печень отбило. Напрочь печень оторвало. А он ещё вышел из машины, сел, покурил. Подошли люди, неподалёку от нас всё это было. «Нормально?» – «Нормально». – «В больницу поедешь?» – «Не, не, никакой больницы не надо». И раз – выключился. Восемьдесят восьмой год был. Вот такая трагедия с отцом получилась. Мама наша, её Белижа зовут, стала вдовой. Работала она в своё время на стройке. Потом, когда не стало отца, с детьми хлопот невпроворот было. Старшему было тогда всего восемнадцать. Но как-то пробивались. Родственники помогали мамины, папины, детей-то много было. Помимо нас, с нами ещё жили дети моего дяди. Мать у них умерла, а дядя в тюрьме сидел в Иркутске. Он был женат там, в Иркутске. На русской был женат и жил с ней там. Иркутск далеко, и, естественно, мы не знали его детей. Наш отец ездил к нему, а мы их не знали. А потом, когда его

посадили в тюрьму, отец привез их к нам домой. И они стали жить с нами, семья стала очень большая: четверо дядиных детей и нас шестеро. Но ничего, выжили, всё нормально.

Все дети были заняты и работой по дому, и все дети у нас в семье учились, если не на «отлично», то на «хорошо». Обязательно должны были учиться, прогулы наказывались. Я даже не думал, что можно плохо учиться или пропускать занятия.

– Любимый предмет какой был?

– У меня по пятнадцать пятерок за четверть бывало: по геометрии, скажем. Всё на лету хватал. Литература, русский язык нравились. Память очень хорошая была.

– Должно быть, стихов в детстве много учил? Какие-то запомнились на всю жизнь?

– Стихи на всю жизнь... Я даже вчера что-то декламировал. Есть всякие стихотворения, на разные случаи. После детства уже возраст диктовал их выбор. Из Высоцкого очень много наизусть знаю, постоянно его стихи читаю. Пастернак мне нравится. Одно из любимых стихотворений – «Быть знаменитым некрасиво». Его в 88-м году принес наш тренер и дал мне с Исламом Матиевым, с которым я приехал тогда в Красноярск, прочитать и запомнить. Замечательное стихотворение. Сразу оно нам в душу запало. «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь. Не надо заводить архива, над рукописью не трястись. Цель творчества – самоотдача...» Вот эти слова у меня на всю жизнь. Знаешь, выбиты уже где-то так, что я, наверно, их никогда не забуду. Они стали моим жизненным и спортивным девизом. «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». На самом деле я реально тогда понял, что момент, когда тебе руку поднимают как победителю, – всё это ерунда. Я только сам понимаю, насколько я выложился, насколько я отработал и насколько победил. И я уже с юности находился в таком абстрактном состоянии по отношению к соревнованиям. Я соперников в упор не видел, у меня немножко

другие задачи были. Даже в детстве. К примеру, то, что я сегодня стал чемпионом города, для меня это было не важно. Я уже по-взрослому на эти вещи смотрел, для меня было главнее, насколько я бы мог ещё прибавить и где мой потолок. Впоследствии я с астрономическими счетами выигрывал в финалах. В чемпионате СССР победил 17:0 в финале. Это просто нереально было! После разрыва в 15 баллов, согласно правилам, борьба прекращается. Но всё было рассчитано так, чтобы судья не смог остановить схватку. Там было уже 14:0, и я мог провести ещё трёхбалльный и сделать перебор... Несколько лет я выходил на ковёр только для того, чтобы выиграть досрочно, чисто. Задачи просто «выиграть» не было, была сверхзадача – 15:0. И такой максимальный задел на несколько лет был сделан. На этом заделе я очень долго боролся и до сих пор борюсь.

– А есть ли «невозвращённые долги»: кому-то проиграл, а потом не удалось взять реванш. Допустим, человек просто уклонился от поединка.

– У меня только одна такая ситуация. Я не то чтобы проиграл на Олимпиаде... Но человек потом пропал, я уже и не видел его никогда.

– Это было в Сиднее?

– Да, я там его во втором круге осчастливил. Американец. Очень удивительной спортивной биографии человек. То классической борьбой занимался, то вольной...

– Фамилия-то хоть запомнилась?

– Брендан Слейд. Я его потом в интернете смотрел. Короче говоря, по всем параметрам он не должен был на Олимпиаде даже участвовать. Какой-то залётный.

– Может, его накормили чем-нибудь?

– Может быть. Залетел, шухеру навёл. И пропал.

– Тот же Рулон Гарднер, который в финале у Карелина золото

увёл, тоже из тех, кто был никем...

– Рулон-то хоть борется там где-то. А этот напрочь пропал. Я про него даже не думаю. Кто-то если задаст вопрос, тогда только и вспоминаю. Как такового нет его для меня.

– Он один такой колобок, кто с плюсом от тебя укатился?

– Да, да, да.

– Нет больше таких?

– Никого. Ты знаешь, борьба не оставила мне неудовлетворённостей. Я практически максимум из неё выжал. И даже если я сегодня перестану бороться, у меня никаких претензий не будет к этой борьбе. Я гораздо более несостоятелен как обычный человек, чем как спортсмен.

– Сейчас примерно в чём недоработки? То, что пока только один ребенок?

– Насчёт этого я боец. У меня уже второй не подходе. А только ведь два года, как женился.

– А в чем тогда «несостоятельность»?

– Есть у меня проблема времени. Не знаю, болят ли этим другие люди или нет? Но я чувствую, что не успеваю ничего. Я ощущаю, насколько это всё быстро двигается, передвигается, перемещается! Даже притом, что я постоянно в каких-то перелётах, постоянно вроде бы при деле, создаётся ощущение, что ты стоишь, а всё бежит, бежит, бежит, бежит... И молодость такая короткая, и вид спорта очень тяжелый у нас. И очень тяжело найти золотую середину, чтобы уйти от суеты и не загубить при этом дело.

– Если попытаться в будущее заглянуть: вот он Пекин-2008. Скорей всего, надо дерзнуть ещё раз?

– Думаю, да. Хотя в последнее время задумываюсь иногда: жизнь-

то идет! И надо всё-таки чувствовать свой возраст. Надо чувствовать время, в котором мы живем.

– Сейчас сколько?

– Мне 31 год 11 марта исполнился. Но, с другой стороны, надо делать именно то, что тебе нравится. И надо жить так, чтобы...

– Чтобы не было потом мучительно больно от мысли: а не рановато ли я ушёл?

– Был у меня похожий разговор где-то после второй моей Олимпиады. И мне Фитисов тогда сказал: «Ты знаешь, – говорит, – Бусик, если чувствуешь – есть ещё силы, если чувствуешь – сможешь, то обязательно борись. Обязательно! Вот мне, – говорит, – сорок два года, я вроде министр, а мне по ночам хоккеем снится, как я на льду играю». Это немножко эмоциональность, где-то даже сентиментальность, тем не менее, скажем так, большой спорт – очень большая часть жизни. Но не надо пытаться объять необъятное. Всё один человек сделать не может. Надо немножко умерять свой пыл. И уметь довольствоваться тем, что ты уже имеешь, что жизнь тебе даёт. Надо иметь к ней чувство благодарности. И не гоняться за всем золотом мира.

– Но своё-то надо взять?

– Своё все-таки надо взять, да.

– Если получится стать трёхкратным олимпийским чемпионом, всю оставшуюся жизнь можно будет, условно говоря, отдыхать.

– Это очень плохо. Не надо ориентировать самого себя на то, что придёт день, когда я раскину руки, ноги и буду лежать в гамаке.

– Я в Интернете встретил: «великий Сайтиев». В случае трёхкратного олимпийского золота величие будет стопроцентным, ведь считанное число людей на свете сумело достичь подобного.

– Знаешь, вообще, в чем важность? В чём цимус – знаешь? Великий, не великий – всё это мура. Для кого-то, может быть, да, титулы – превыше всего. Для кого-то... Мне тоже в какой-то период казалось, что буду я медальки эти копить. И что в один прекрасный день они мне хорошим трамплином станут. И чем больше их будет, тем выше у меня трамплин. А потом уже я начал осознавать, что...

– ...куда прыгать-то с трамплина?

– Да! Это ведь должен быть не внешний трамплин. У тебя внутри должен быть такой трамплин. Ты сам как человек, как личность должен приобретать и набирать баллы. Эти твои победы, они тебе как человеку должны давать положительный заряд чего-то. Какой-то опыт. Какую-то уверенность, бодрость. Ты как человек должен расти благодаря той жизни, которую ты проживаешь в спорте. Бытие определяет сознание, это бесспорно. И количество, качество этих побед и медалей важно именно оттого, в какой степени они тебе как человеку рост дают.

– У тебя в этом плане, судя по всему, гармония.

– Речь не только обо мне. Если человек трудился, выигрывал медали, добрался до олимпийских вершин, стал великим чемпионом, то и в жизни он должен быть востребован. Если он кропотливо тренировался и выделился из огромного количества людей, занимающихся этим же видом спорта, и стал лидером, это ведь о чём-то говорит. Что-то в этом человеке по любому есть! Случайно каждый раз невозможно добиваться триумфа. И такой человек не только обществом, он самой жизнью должен быть востребован. Я что сейчас пытаюсь сделать вместе с Миндиашвили? Мы попробуем создать прецедент участия человека на четырех Олимпиадах по вольной борьбе. Это со всех сторон интересно. Такого ведь не было, чтобы, участвуя на четвертой своей Олимпиаде, борец выиграл медаль. Трёхкратный олимпийский чемпион в нашем виде спорта был один – Александр Медведь. По греко-римской трёхкратным был Александр Карелин, он же четырежды участвовал в Олимпиадах. И в вольной борьбе я хочу

такой же прецедент создать и показать, что в таком возрасте, в тридцать три года, борец-вольник может стать олимпийским чемпионом.

– Возраст-то красивый: Илья Муромец, Иисус Христос...

– Да и вообще тройка – цифра моя любимая.

– Если вернуться к разговору о востребованности мировых чемпионов в миру. Можно, к примеру, попытаться возглавить федерацию в своём виде спорта, как это недавно сделал Владислав Третьяк.

– Я с восхищением отношусь к таким людям: как они столько запала сохранили? Где они жили, накопили такой заряд?

– Возможно, отдыхали качественно. Третьяк долгие годы купался в любви к нему Северной Америки. Тренировал тамошних вратарей. Много лет он богател-богател и, наконец, решил отдать должное новой России.

– Но я сегодня остаюсь практикующим спортсменом. Я вроде бы стабильно тренируюсь. И у меня пока никаких амбиций, никаких желаний по поводу даже вот этого нашего серого здания нет. (Показывает рукой в сторону «крайкома».) Никаких! Seriously. Хотя иногда нечто накатывает, когда видишь до боли глупых, некомпетентных людей, пытающихся пристроиться во власти. То же наше хвалёное Собрание: кто там сидит? Есть два-три настоящих профессионала плюс кучка каких-то чудаков там собралась. (Выражения сильно смягчены. – И.Р.) И политика у них сегодня такая в основном местечковая, там как будто бы даже географию страны не знают. Закрылись, придумали шнягу какую-то: «Наши», «Ваши». И вот её качают и качают, качают и качают. И, самое обидное, люди на это ведутся. Но мы же живём в такой огромной стране! Слушай, чего ты закрылся у себя здесь?! Наша сила – в сотрудничестве, в интеграции. Нет, эти закрылись, пыль в глаза людям пустили: «Наши», «Ваши». Кто здесь наши, кто ваши? Красноярский край настолько потенциально богатый край – по географическому расположению, по состоянию природы, недр.

Неужели мы не сумеем всем этим воспользоваться с умом? Надежда есть: сегодня ребята из «Норникеля» хорошо идут. То что, мы имеем такого руководителя, как Хлопонин, тоже очень важно, мне кажется. У него очень хорошая, современная рабочая команда. Но сегодня, к сожалению, население наше не поспевает за предлагаемыми темпами развития регионов. Хлопонин вот в Москве доклад делал по Нижнему Приангарью. Очень серьезная такая программа. Но у меня есть подозрение, что мы к ней не готовы. Рабочих рук нет, кадров нет. Да, вопрос поставлен правильно: местные, рабочие люди из нашего края, должны там трудиться. А кто? Кто будет работать? Кто будет нефтяные месторождения разрабатывать? Ты умеешь?! Я – нет. Мало таких умеющих. Вопрос-то поставлен, но, к сожалению, придётся все-таки завозить массу рабочих. Мы свой народ растеряли сегодня. Двести миллиардов рублей на следующий год надо освоить, но как это сделать эффективно? Похоже, этим вопросом обеспокоены только губернатор и его команда. А остальным – по барабану.

– Чувствуется, Бувайсару пора Карелина не только по четырем Олимпиадам догонять, но и тоже идти в Госдуму.

– Мне пока в Думу не надо идти. Я искусственно ничего не делаю, у меня такое кредо, можно сказать. Я не любитель искусственно нагнетать ситуацию. Да и не умею это делать. Я ценю ситуацию, которая в естественном своём развитии дошла до определенного уровня. Тогда это значимо. А специально форсировать процесс – это как мыльный пузырь, он рано или поздно лопнет.

– Но теоретически-то ваша политическая карьера возможна? Вы вон и с Алхановым знакомы, и с...

– Иногда задумываюсь: а я ведь на самом деле очень популярный человек. Я хорошо знаком с такими людьми, которые называются «сильные мира сего». Я вот сейчас в течение месяца и с президентом страны встречался, и с нашим губернатором разговаривал, с которым вообще достаточно часто вижусь, и с министрами вопросы обсуждал... Получается, я очень контактный

человек. Ты вот журналист, ты тоже едешь, видишься. А основная масса людей, она же сидит на месте. Проблема простого красноярца в чём: он сидит у себя в районе, в городе, в квартире. Он видит всех этих людей только через телевизор. И судит о жизни по предлагаемой там картинке. И не вина, а беда его, что он некомпетентен в каких-то вопросах. Он просто-напросто не успевает отслеживать события: ему надо идти на работу, чтобы кормить семью.

– И всё же возможно ли: депутат от Чечни – Бувайсар Сайтиев?

– От Чечни депутат Бувайсар Сайтиев, я думаю, не будет никогда. Скорее всего. Надо реально оценивать свои возможности. А Чечня – это сегодня очень острая ситуация, настолько острая, что можно надломиться от усилий, но так ничего и не улучшить. Это сегодня так. Но, может быть, в недалёком будущем всё там начнёт успокаиваться.

– О Басаеве будем рассуждать?

– Ты знаешь, даже притом, что я законопослушный гражданин, что я разделяю политику нашего государства, очень часто возникает такое желание – замахнуться на табун. Сегодня у нас в стране проблема ФСБ не обсуждается, сегодня все мы её любим, нашу службу безопасности. Но когда сидит Патрушев, которого я склонен считать руководителем одной из самых серьезных спецслужб в мире, и отчитывается перед президентом о том, что они убили Басаева и при этом явно подсчитываются очки в преддверии саммита... Что за очки? Ну, убили вы Басаева. Так давно бы его убили! Вам стыдно должно быть, что вы его до сих пор не убили. Лазает инвалид без ноги по диким горам... Я-то эти места знаю. Это вон как по сопкам вон тем у нас здесь бегать. Убрали они его – и президенту докладывают с пафосом, что такую задачу, невыполнимую практически, они решили! Сейчас уже об этом можно рассказать: один наш бывший товарищ, из этой вот спортшколы, объявился вдруг в чеченских лесах. Пропал он куда-то, а через некоторое время в интернете видим его фотографию, где он сидит рядом с этим Басаевым. То есть, его несложно было

найти. Его масса людей видела, как он по Грозному ездил на машине, по Назрани ездил. Такая вот трагикомедия с этим Басаевым...

– Но возможно, через многие десятилетия чеченский народ будет говорить об этом Шамиле, как и о том Шамиле.

– Ты знаешь, может быть. Тот Шамиль тоже был сильно политизирован. Даже канонизировать его пытались. Отправили его в Саудовскую Аравию, в хадж. Если в Саудовской Аравии во время хаджа человек умер, он ведь чуть ли ни к святым приравнивается. Над этим тоже российская политика того времени работала. Шамиля раскручивали, посредством Шамиля делали политику на Кавказе. И вообще настолько там такие «мудрые» деятели ситуацией когда-то руководили, что так туго всё и закрутилось сегодня. Разрубить бы узел, а вместо этого ситуацию продолжают наматывать. Ситуация осложняется и тем, что стыдно такой огромной державе десятки лет делать политику на какой-то непонятной войне, на уничтожении людей. Сегодня до чего дошел наш обыватель: практически восемьдесят процентов населения России поддерживают бомбёжки Ливана. «Молодцы, так и надо! Как Израиль с этими террористами расправляется!» А весь сыр-бор – из-за того, что два солдата исчезли. И ещё никто не доказал, кто их украл. Они что, суд отменили?! Они военный трибунал отменили? Они всё отменили, да, эти израильтяне? Пропали два человека, а они бомбят страну, полностью. Но это недопустимо! И здесь я уже ощущаю свою слабость и несостоятельность, я боюсь таких ситуаций. Я вижу это, и мне страшно жить в таком «мире».

– Меняем тему одновременно резко и плавно: «страшно жить» оставим, но в ином контексте. Многократного чемпиона по плаванию Александра Попова однажды серьёзно ранили ножом какие-то уличные торговцы. Вроде бы, за девушку он тогда заступился. С вами ничего подобного не случилось?

– Я Сашу знаю как человека очень интеллигентного. Даже представить не могу, что он сам мог спровоцировать какой-то

конфликт. А на вид он не тот человек, который внушает ужас. Вероятно, когда он действительно заступился, на него посмотрели и сказали: «А ну-ка вали отсюда!» Скажем, был бы на его месте кто-нибудь из борцов или боксеров, это наверняка возымело бы действие. А так его просто не поняли.

– Так у вас не было ничего такого?

– К огромному сожалению, все мы смертные люди. В меру своего понимания пытаешься как-то построить свою жизнь – повседневную, не повседневную. К сожалению, периодически где-то подобное случается. Бывает, я и сам срываюсь, к сожалению. Чтобы где-то кто-то кого-то резал – до таких ужасов не доходило, но... Где-то поругался с кем-то, может, кого-то словом плохим обозвал. Потом сожалею об этом. Даже удивляюсь срыву.

– Но ведь и причина вспышки, наверное, есть?

– Обычно когда происходят какие-то посиделки. Ночью. Такие вещи обычно происходят именно ночью. Гуляешь где-то, а молодежь там уже в хорошем настроении. И ребята немножко переоценивают свои физические возможности. Ты их одёрнешь, а они ещё ответят.

– В Красноярске тоже тебе дерзили?

– В Красноярске в том числе, к сожалению.

– А бывает, что не узнают?

– Ты знаешь, лучше бы бывало. А так, наоборот, большая проблема. Всеузнаваемость. Немножко это, честно сказать, напрягает.

– Сергей Ломанов-старший сильно от этого страдал. Говорит, «к дому подъезжаю – и все пялятся». Чуть ли не из-за этого в Москву переехал.

– Я тоже никак не могу с этим научиться жить. Хотя, казалось бы, ну и что – узнают. Они разве виноваты, что тебя узнают?

Наверно, знаешь, почему это не нравится? Где-то, видимо, ты понимаешь, что ты не такой уж белый и пушистый. Это реальность. Надо уметь с этим жить, надо учиться. Допустим, где-то паркуешь машину... Вот я на днях в магазин приехал «Питерский мостик», выхожу из машины, а бабушка там: «Ну, куда вы машину поставили, вы не видите, что проход загородили?» Она меня еще не видит. Я выхожу и говорю: «Все вопросы в администрацию города! Видите, – говорю, – что на дороге творится, куда я поставлю? Ни стоянки, ни хрена нету! Мне в магазин надо, понаставили везде машины! Куда я денусь? Вон, – говорю, – к Пимашкову идите!» И тут она меня узнала и аж засветилась: «Бувайсар, а вы что такой худой?» Бабушка, казалось бы, откуда она меня должна знать? Но вот поди ж ты!

– Такое «узнавание», должно быть, приятно?

– Хорошо, когда это приятно. Хорошо, когда ты понимаешь, что это нормально, от души. Но и как Ломанов говорит, такое у меня тоже бывает.

– Совсем недавно улеглись страсти по смене российского гимна. Спортсмены в этой полемике – одни из самых заинтересованных лиц: на пьедестале-то принято как раз под гимн слезу пускать...

– Мне, если честно, гораздо приятней нынешняя музыка Александрова. Хотя она и символизирует Советский Союз. Просто я под неё просыпался много лет. У меня радио дома стояло, зарядка в шесть часов начиналась. Каждое утро так было. В памяти отложилось. И слова я наизусть помню именно те. И если сейчас где-то играет гимн и надо петь, то я старые пою. (Смеется). Новых я и не знаю.

– С кем-то знаком из эстрадных знаменитостей?

– Нет.

– Даже случайно не встречался?

– С шоу-бизнесом у меня нет отношений. А! Как нет, Гриша у

меня товарищ, друг мой. Григорий Лепс. Он очень классно песни Высоцкого исполняет, с новыми аранжировками. Он такой заядлый тусовщик в Москве. Дружит с моими приятелями-металлургами. Они его поддерживают. Мы через Искандера познакомились. Оказалось, что он сочинский. А в Сочи у меня масса друзей, и они нас объединили. С Гриней я больше всех из эстрады знаком.

– Искандер...

– Махмудов Искандер, есть такой бизнесмен. Журнал «Форбс» насчитал у него 2,7 миллиарда, что ли. И он поддерживает разные слои населения.

– Чеченцы, я знаю, очень любят песни Тамары Дадашевой.

– Да, Тамара Дадашева очень популярна у нас была. Но ты знаешь, не слушаю я музыку. Практически вообще. Высоцкого разве что. Ну, не бывает у меня такого умиротворенного состояния, чтобы лежать и слушать музыку. Это хорошо, когда у человека всё так правильно и спокойно, но у меня не так, к сожалению. Иногда я искренне не понимаю, зачем вообще люди слушают эту музыку. Музыка ведь к чему-то должна быть. Ладно бы где-то перед боем такой зажигательный ритм, вон как зикар у нас бывает, когда боевой танец по кругу исполняют. Это вещь серьёзная. Если легкая, ненавязчивая музыка звучит где-то на втором плане – тоже неплохо. А когда придёшь в ресторан, сядешь с людьми поговорить, пусть даже всего два человека всего, а тут бумс-бумс-бумс!

– А курение в ресторанах раздражает?

– Когда курит кто-то другой, постоянно кажется, что он курит на тебя. А иногда сам берешь, куришь – и ничего.

– Взятяг прямо куришь?

– А что? Редко. Пробовал, знаю, что такое.

– Любимых сигарет нет?

– Нет, какие любимые! Бывает, курнёшь на каких-то посиделках, на дне рождения. Или выпьешь немножко. Просто хочется побыть «как все».

– На Кавказе принято дарить подарки. Как знак особого уважения...

– Здесь у меня тоже проблема есть: я не умею дарить подарки. У меня друзья в этом отношении всё успевают: всех поздравят, всех приветят. Я – не успеваю!

– Но они не чемпионы мира. Надо своё дело делать.

– Вот, мне тоже так говорят: ты своё дело делай! Но всё же есть такая сложность: мои друзья день рождения мой не пропускают и подарки мне делают. И горе, и радость всегда со мной делить успевают. А я не успеваю. И поэтому стоит, видимо, как-то ограничивать количество связей. Иначе что за дружба получается односторонняя?

– А что вам дарили?

– Вот этот сотовый телефон я бы никогда в жизни не купил, около двухсот тысяч рублей он стоит. Его мне подарили так, между прочим. И я его воспринял тоже как бы между прочим. Часы вот тоже очень дорогие. Я бы их себе, наверно, сам никогда не купил.

– Часы швейцарские?

– Да. «Жерар Передьес», хорошие часы. Двадцать тысяч евро они стоят. И тоже я даже не помню обстоятельства...

– Противоударные, наверно?

– Наверно! (Смеётся.) А после последней Олимпиады мне подарили «Мерседес». Подарили так: прилетели за машиной в Москву, купили и отправили в Красноярск, здесь её встретили, с вагона сняли, пригнали и поставили под мое окно на Дубровинского. А я только на третий день соизволил выйти на неё посмотреть. Это

разве нормально? Два дня стояла! И тогда тоже я понял: что-то не то, нельзя так. Это просто свинство получается. Надо уметь радоваться, уметь быть благодарным.

– Говорят, что сердцу не прикажешь.

– Не знаю, может, это просто усталость. Это было после Олимпиады. Я, естественно, умом понимаю и очень благодарен. Но всё равно мне хотелось бы, чтобы я правильно реагировал. Рефлексы человеческие должны все правильно работать и адекватно. И я в последнее время в этом плане над собой работаю. Также стараюсь людям делать подарки. Ты знаешь, это приятно! Я ведь настолько был зомбирован, спортсмен всё-таки, был зациклен на своей работе, на результате, поэтому и упускал простые для «простых смертных» истины. Естественно, есть ещё какой-то резерв. Если у тебя есть червонец, ты на сто рублей не погуляешь. Ты погуляешь на червонец. Какой-то резерв и какой-то баланс есть в природе. У тебя на борьбу, скажем, пятьдесят единиц ушло, осталось ещё пятьдесят. И ты из этих пятидесяти единиц выплясываешь: подарки, дни рождения, семейные дела... Есть большая проблема большого спортсмена – слишком много твоего личного резерва приходится на основную работу. И при этом ты упускаешь очень многое, и из-за этого комплексы неполноценности и несостоятельности формируются. Для тебя проблемно то, что для других людей обыденно. Это раздражает, и ты буквально мечтаешь о преодолении.

– Как же ты познакомился с женой?

– С Индирой я познакомился обыкновенным дедовским способом. Я – сторонник того, что жениться надо головой. Какой-то эмоциональный всплеск ни в коем случае не может быть побудителем возникновения серьёзных отношений. Женитьба – это очень ответственный шаг, к нему надо подойти очень четко, холодно, расчётливо. Тебе с этим человеком жить всю жизнь. Ты рискуешь в случае ошибки поломать судьбу и себе, и ей, и возможно даже своим детям. Надо оценить, надо познакомиться, узнать, из какой среды человек, из какой семьи, каких

наклонностей, какого физического склада. Естественно, все рассчитать не получается. Но надо хотя бы знать о том, что ты очень серьёзный шаг в жизни предпринимаешь. А так – «ты любишь, я люблю, мы друг без друга жить не можем, давай жениться» – это несерьёзно. Свадьба у нас была ровно два года назад – 1 августа 2004 года. А двадцать какого-то августа мне надо было на Олимпиаде бороться. Я решился на очень неожиданный шаг. Борцы обычно откладывают женитьбу в очень дальний ящик. Кто-то после окончания карьеры женится, кто-то считает, вообще нельзя действующему спортсмену это делать. Впрочем, некоторые уверяют, что наоборот – жениться надо рано, так как ранние браки помогают. Я взял и женился прямо перед Олимпиадой. Для всех это было очень неожиданно. Олимпиада была на носу, но всё равно мне не хватало встряски. Сильное утомление было. Усталость была уже от жизни, наверно. Сухо так всё воспринимал, знаешь. И думаю: надо бы немножко разнообразить, при том что ситуация располагала: я был уже знаком с этой девушкой, где-то уже принципиальное согласие было получено. И подумал я: женюсь до Олимпиады! И нормально всё получилось, весело.

– Сыну сколько сейчас?

– Только что годик исполнился.

– Ходит?

– Ходит, давно уже. По-моему, вообще с первого дня ходит!

– Воспитывать потом будете?

– Нет, нет. Воспитывать детей нужно до двух с половиной лет. Потом может быть поздно. Он у меня уже всё знает. Я с детьми вообще-то отдаленно был знаком, хотя племянников очень много. Мало дома бывал. Так что сейчас впервые так знакомлюсь «с близкого расстояния» с ребенком малолетним. Всё знает, всё! Кто главный, кого слушаться надо, а с кем можно где-то и повыпендриваться.

– А живность дома есть: кошка, собака?

– У меня огромные две собаки. К сожалению, никак со строительством дома, в Красноярске не могу разогнаться. Я не квартирный жилец, мне тяжело в квартире. Вот и собак не могу привезти из Дагестана: некуда. У меня вообще было пять собак. Уже два пса умерло здесь в Красноярске, одного товарищу подарил и два у меня дома в Хасавюрте. Азиатские овчарки, мои любимые. Вообще очень сильно люблю собак.

– В Красноярске, кроме квартиры, никакой отдушины больше нет?

– Нет нечего. Каждый год бью себя в грудь, что в следующем году будет дом. Никак руки не доходят. Два земельных участка у меня есть на разных концах города. И возможность вроде бы есть, но пока торможу.

– Может, это не торможение, а умиротворение такое душевное. Уровень религиозности вообще-то как?

– Всегда колеблется. Это как костёр. Состояние духовной близости с Богом в исламе называется иман. Это очень нежное чувство. Или как бы очень ранимое. Не знаю, как его определить, правильное слово не подберу сейчас. Но это нестабильное состояние. Оно зависит от того, как ты вообще живёшь.

И Бог, соответственно, настолько же близок, значим, актуален в твоей жизни. Если ты месяц провел в каких-то безумных оргиях, то естественно, ты даже и не вспомнишь, где он находится. И он тебе не нужен. А если человек находится в концентрации, праведно живёт, тогда он реально ощущает близость присутствия Бога.

– Религия дала тебе какую-то мудрость?

– Религия дает мне всё. На самом деле. Ведь противоречие, противостояние добра и зла, Бога и Сатаны – внутри человека происходит постоянно. И от этого, естественно, человек

напрягается, ему тяжело. Мусульманин должен пять раз в день молиться. Что греха таить, бывают дни, когда молишься не пять раз. Бывают дни, что ни разу в день не молишься: где-то в суете, в беготне. Мне тогда становится очень тяжело. У меня тоска начинается, отсутствие душевного покоя. Главный индикатор, самое основное, от чего моё душевное состояние обретает или теряет покой, это религиозная практика. Если я реально молюсь, как положено, если обращаюсь к Богу, когда мне тяжело, если я вспоминаю о нём, чувствую его близость – у меня сразу такое умиротворенное состояние появляется. Я тогда доволен всем. Я даже собой доволен в эти моменты бываю. В моей жизни религия очень много значит. Хотя и перегибать палку тоже не надо. Религия – это наука. Наука, которой обучают. И нет конца обучению этой науке.

– По крайней мере, страх смерти она притупляет, учит философски подходить к этому, без паники.

– Страх смерти должен быть. Смерти надо бояться. Тогда разумнее будет жизнь.

Игорь РУДИК, главный редактор газеты «Конкурент», 02.08.2006